

21 октября (3 ноября)

Преподобномученик
Неофит (Осипов)

Преподобномученик Неофит родился 9 мая 1875 году в городе Августове Сувалковской губернии в семье военного фельдшера Александра Осипова и в крещении был наречен Николаем. В 1891 году он окончил на казенный счет Холмское Духовное училище, в 1897 году – Духовную семинарию, а в 1901 году со степенью кандидата богословия – Санкт-Петербургскую Духовную академию. Во время обучения в академии, 19 августа 1900 года, Николай был пострижен в монашество с именем Неофит, 27 сентября того же года – рукоположен во иеродиакона, а 14 мая 1901 года – во иеромонаха.

По окончании Духовной академии, 13 августа 1901 года иеромонах Неофит был определен преподавателем гомилетики в Холмскую Духовную семинарию. 1 июля 1902 года он был назначен в Пекинскую Духовную миссию с правом ношения золотого наперсного креста, а 24 июля 1903 года переведен смотрителем Тихвинского Духовного училища. Здесь, в связи с болезнями учителей, ему пришлось преподавать в 1-м классе славянский язык, а в 4-м – греческий.

17 октября 1905 года отец Неофит был назначен ректором Самарской Духовной семинарии и возведен в сан архимандрита; с 1905 по 1908 год он состоял цензором «Самарских Епархиальных Ведомостей». Во все время служения в Самаре отец Неофит состоял членом Самарского епархиального комитета Православного миссионерского общества и членом Самарского епархиального миссионерского совета. В Самарской семинарии он стал ректором сразу после архимандрита Вениамина (Казанского), человека мягкого и доступного и потому близкого ученикам. Архимандрит Неофит поставил себя довольно строго, и после отца Вениамина за его строгость его не полюбили ученики. Не сложились у него отношения и с инспектором семинарии, который за продолжительное время службы при часто сменяющихся «ректорах привык к властному положению... нередко фактическим начальством семинарии был он или, по крайней мере, все делалось с его согласия и одобрения».

На заседании Святейшего Синода, 24 ноября 1909 года, член Учебного комитета Савваитский, ревизовавший Самарскую Духовную семинарию, предложил перевести архимандрита Неофита на такую же должность, но в другую семинарию. Тут же архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) предложил назначить ректора Волынской Духовной семинарии Виссариона (Зорнина) ректором Самарской семинарии, а архимандрита Неофита – Волынской, что и было принято.

Архимандрит Неофит был истинным подвижником и аскетом, ведущим строго трезвеннический образ жизни; он был воодушевлен «искренним желанием поднять нравственный и учебный уровень сильно упавшей духовной школы, и в этом отношении не вызывает другого чувства кроме симпатии и уважения», – писал о нем ревизовавший Волынскую семинарию статский советник Рункевич. Однако он отмечал, что по свойствам своего характера архимандрит придавал значение некоторым мелочам и настаивал на непременном их исполнении, и это несколько портило отношения между ним и

сослуживцами. Но поскольку его нравственные достоинства были бесспорны, как и накопленный им педагогический опыт, Рункевич предлагал оставить его на этой должности. В связи с чрезвычайным нервным напряжением и переутомлением архимандрит Неофит, однако, обратился с просьбой к архиепископу Антонию, сказав, что «считает себя в настоящее время физически неспособным управлять многолюдной (600 человек) семинарией и просит дать ему другое послушание по силам».

8 августа 1911 года архимандрит Неофит был назначен на череду священнослужения и проповеди слова Божия в Санкт-Петербург на должность постоянно присутствующего члена Учебного комитета при Святейшем Синоде. 28 ноября 1912 года архимандрит Неофит одновременно с оставлением послушания в Учебном комитете был назначен членом Санкт-Петербургского Духовного цензурного комитета, а 1 мая 1915 года старшим членом того же цензурного комитета.

Отречение от престола Императора Николая II и пришедшая затем в государственное управление разруха коснулась и церковного управления, тесно связанного тогда с государственным. Ставший обер-прокурором Святейшего Синода Львов стал диктовать условия архиереям, как будто был поставлен главою Русской Церкви, и многие из трудившихся в Учебном комитете при Синоде стали подавать прошения об отставке; подал такое прошение в середине апреля 1917 года и архимандрит Неофит. 28 апреля 1917 года определением Святейшего Синода он был освобожден «от несения обязанностей члена Учебного комитета».

В 1918 году архимандрит Неофит по приглашению святого Патриарха Тихона, которого знал, еще когда учился в Холме, переехал в Москву и стал его секретарем, поселившись на Троицком подворье, где жил тогда Святейший Патриарх, нашедший в нем надежного и верного помощника. В 1922 году в связи с изъятием церковных ценностей, а также арестами в Шуе, Москве и Петрограде, против Патриарха было возбуждено уголовное дело. 5 мая 1922 года Патриарху было объявлено, что по его делу начинается следствие. В тот же день он был приглашен на допрос, а заместитель председателя ГПУ Ягода подписал ордер «на производство обыска канцелярии и управления Патриарха Тихона, Синода и Высшего церковного совета и ареста всех лиц... из числа служащих указанных учреждений».

В тот же день все находившиеся на тот момент на подворье были арестованы, и среди них архимандрит Неофит. После их ареста на подворье была устроена засада из сотрудников ГПУ, и арестовывались все, кто туда по той или иной причине входил, включая и случайных прохожих. В иной день арестовывалось по двадцать восемь человек, из которых более половины приходилось отпускать сразу же. Всей операцией руководил Тучков; многих, даже из случайно задержанных, он допрашивал сам, теша себя фантастическим вымыслом о наличии контрреволюционной организации, о которой он из показаний задержанных соберет данные, что может послужить организации процесса над Святейшим Патриархом. Но ничему этому не суждено было сбыться.

Арестованные были доставлены во Внутреннюю тюрьму ГПУ, архимандрита Неофита допрашивали три дня подряд, надеясь склонить его как секретаря Святейшего Патриарха к более тесному сотрудничеству с ГПУ или хотя бы к подробным показаниям. Еще до его ареста сотрудники ГПУ пытались обратиться к патриаршему секретарю архимандриту Неофиту с предложением о секретном

сотрудничестве через его брата, Константина. Надежда на брата отца Неофита была связана с тем, что тот был членом партии с 1919 года, вступив в нее во время службы в Красной армии. Кроме того, у него был с братом конфликт, когда Константин Осипов ушел в 1906 году из Духовной семинарии учиться в лицей. Однако в конце 1921 года он вышел из партии, поскольку был не согласен с ее политикой относительно Церкви, но все же еще оставался заведующим следственной частью Объединенного железнодорожного трибунала Александровской и Балтийской железных дорог. Однако на следствии, арестованный вместе с братом на подворье, он заявил, что «если бы в моей практике трибунальной мне попалось дело об активном противодействии изъятию, я заявил бы председателю Трибунала, и ведение дела просил бы снять, во избежание подозрения в пристрастности». Еще в 1921 году по требованию ГПУ на подворье была заведена особая книга, хранившаяся у швейцара, куда должны были записываться все приходящие к Святейшему Патриарху, время от времени ее просматривали сотрудники ГПУ, делая выписки для дальнейших репрессивных мероприятий. Но поскольку было вполне известно, для кого велась эта книга, записи в ней не давали нужного ГПУ результата.

Неудача сотрудников ГПУ в осуществлении плана завербовать в качестве секретного сотрудника близкого к Первосвятителю человека вызвала у них злость и раздражение, а его характер, человека глубоко верующего и неуступчивого, вызывал еще большую против него злость.

– Какие разговоры у Патриарха Тихона бывают с лицами, его посещающими... вы, как личный его секретарь, должны знать? – спросил его Тучков.

– Ни на одном приеме у Патриарха Тихона я не бывал и не видел, кто именно к нему приходит, так как пропускает к Патриарху швейцар Семен Сидорович, предварительно занося прибывающих в книгу, кроме тех посетителей, которые обращаются к Патриарху не в приемные часы. Помню, что такое посещение по делам было от «АРА» для переговоров о помощи духовенству. Приходили они приблизительно месяца три-четыре тому назад.

– Кто еще приходил, кроме «АРА»?

– Кроме – не знаю.

– Приносилась ли почта от Евлогия из-за границы, когда и кем?

– Был принесен один пакет приблизительно месяца два-три тому назад, но кем именно приносился пакет, я не помню, и что предпринял Патриарх в ответ на присланный пакет Евлогия, мне неизвестно.

– Кто еще бывал у Патриарха из-за границы?

– Я слышал, что Патриарха посещало Польское представительство, которое добивалось полной независимости Православной Церкви в Польше от Московского Патриарха. Кроме никого не знаю.

– Каким образом происходила рассылка и распространение воззваний Тихона от 15/28 февраля?

– Не знаю, но думаю, что рассылалось через Синод и Епархиальный совет. Сам я воззвания не видел и не читал до сих пор, так как не интересовался, а когда сделал попытку достать для нашего приходского совета (подворье), то не оказалось воззвания в наличии.

На следующий день Тучков снова допросил отца Неофита.

– В чем состоят ваши функции как секретаря Патриарха Тихона?

– 1) В записи и регистрации бумаг и резолюций на них – поступающих от Патриарха Тихона. 2) Прием посетителей для доклада Патриарху Тихону или для разъяснения срочности дела. 3) Выдача по распоряжению Патриарха антиминсов для епархий и... мира для всех епархий. 4) На мне лежат служение в церкви подворья и проповеди. 5) Прием пакетов в неурочные часы и денежных переводов.

– Кто из духовенства стоит ближе к Патриарху Тихону и к кому последний благоволит?

– Об этом я совершенно не знаю, так как очередей приема к Патриарху Тихону я не устанавливаю. По сему вопросу вам может дать более удовлетворительный ответ Яков Полозов (арестован) и архимандрит Анемподист (арестован), устанавливающие очереди на приеме.

На следующий день Тучков, желая добиться подтверждения хоть каких-то фактов, могущих послужить обвинением против Святейшего Патриарха, снова допросил архимандрита Неофита.

– На чем печатались воззвания Патриарха Тихона от 15/28 февраля относительно церковных ценностей? – спросил он.

– На чем печатались воззвания, я не знаю, и до сего времени этих воззваний не видел и не читал, – ответил архимандрит Неофит.

– Что вам известно из бесед с Патриархом Тихоном о русском духовенстве за границей?

– Из бесед с Патриархом Тихоном я знаю, в частности, что Евлогию было поручено поехать в Америку... для упорядочения отношений между архиереем и приходами. Но Евлогий почему-то из Берлина в Америку не поехал. Поручение такого рода Патриархом было дано Евлогию более года тому назад. Почему именно Патриарх хотел послать Евлогия, а не другого, и как именно продельвалось технически это назначение, я не знаю.

На этом допросы были закончены, фактически ничего не дав, ничего не дало и дальнейшее наблюдение за поведением секретаря Первосвятителя в тюрьме. За эту верность вере христианской и Богу и следующих из этой веры поступков и прежде всего отвращение ко всякому роду предательству и последовала месть ненавидящих Христа: все арестованные на Патриаршем подворье были освобождены, только архимандрит Неофит оставался в заключении, причем в самых жестких условиях, сначала во Внутренней тюрьме ГПУ, а затем в Таганской, где ему пришлось около месяца пробыть в больнице из-за развившихся у него в заключении невротических болей.

7 мая 1922 года Тучков выписал постановление на содержание его под стражей ввиду того, что он, «являясь секретарем Патриарха Тихона, причастен к антисоветской деятельности, проводимой Тихоном».

Прошло пять месяцев, а архимандрит Неофит продолжал сидеть в тюрьме; казалось, его забыли, он терпеливо переносил свое положение, но, наконец, 3 октября 1922 года все же подал властям заявление.

«Ожидая справедливого решения дела, я полгода не сделал ни одного заявления по своему делу, – писал он. – Уже пять с половиной месяцев не было у меня допроса. Письменные допросы окончились первыми днями заключения. За полгода мне не назвали моей вины, и не было ни одного вопроса по предмету моей вины.

В пятилетие народной свободы я полагаю ее в том, что в ней личность находит свою опору и источник своей свободы. Мое уважение к власти состоит в

том, что я считаю ее носителем уважения к личности и защитницей ее прав. Поэтому я ходатайствую об окончании дела и возвращении мне права на защиту закона и свободу».

Через несколько дней он отправил письмо с дополнительной просьбой: «Я уже шестой месяц сижу в заключении... пять месяцев после последнего... допроса. Я не мог предвидеть такого продолжительного сверх срока закона делопроизводства и остался без теплой одежды. Прошу Вас дать письменное разрешение на получение с передачей ватного пальто (рясы), шапки и одеяла. Так как я одинок и не знаю о состоянии моих вещей, прошу разрешить, в случае задержания моих вещей, письменно объяснить с передачей, что теплые вещи запечатаны. Ввиду того, что заключение мое многомесячно, прошу выдать, по примеру других духовных лиц, из комендатуры мою Библию и молитвенник, согласно обещания следователя, которого я пять почти месяцев не видел».

Но на это не последовало никакого ответа, и через месяц, 3 ноября, он отправил заявление вторично.

Через несколько дней, 7 ноября 1922 года, Тучков предложил следователю выслать архимандрита Неофита в Зырянский край на год.

В ответ на настоятельные просьбы архимандрита окончить его дело, на следующий день после резолюции Тучкова было составлено обвинительное заключение. «Дело Осипова Н.А. возникло в связи с делом Патриарха Тихона, – писал следователь, – по подозрению в соучастии его в контрреволюционной деятельности последнего, хотя конкретных данных предъявленного ему, Осипову, обвинения следствием не установлено; все же принимая во внимание близость отношений его к Тихону как личного его секретаря и члена учебной комиссии при Синоде, ведшем вместе с Тихоном явно контрреволюционную политику, считаю дальнейшее пребывание его, Осипова, в Москве с политической точки зрения не допустимым».

25 ноября 1922 года Комиссия НКВД по административным высылкам приговорила архимандрита Неофита к трем годам ссылки в Зырянский край.

Узнав об этом, отец Неофит отправил заявление. «Я административно высылаюсь в Зырянскую область... – писал он, – и нахожусь в Таганской тюрьме. Арестовали меня летом, и я не взял с собой никаких вещей, тем более теплых. Комната моя уже семь месяцев необитаема, и родных у меня нет. Поэтому я прошу разрешить мне с конвойным взять теплую одежду и распорядиться своими вещами. Прошу распоряжения о доставке мне взятых в комендатуре ГПУ книг... Ввиду срочности высылки прошу ускорить получение мною вещей. Последние годы я являюсь нищим и не могу приобрести полушубок, валенки и рукавицы, без которых я не могу по болезненности и ревматическому состоянию предпринять зимний путь. Поэтому убедительно прошу оказать мне субсидию выдачей валенок, полушубка и рукавиц и, если можно, расходными деньгами».

Тучков распорядился разрешить архимандриту сходить под конвоем в квартиру и взять нужные вещи.

Последние недели перед отправкой в ссылку отец Неофит находился в одной камере со священномучеником митрополитом Казанским Кириллом (Смирновым), вместе с ним путешествовал с этапом до Усть-Сысольска, который был определен им местом ссылки, где они по общности на многое церковных взглядов и подружились, вместе совершали богослужение и часто навещали друг друга; и впоследствии отец Неофит в течение долгого времени поддерживал

переписку с митрополитом. В середине 1923 года архимандрит Неофит был отправлен в другое место, и они расстались.

По окончании срока ссылки в 1925 году архимандрит Неофит возвратился в Москву. Он здесь тихо жил, почти не вел никакого общения, посвящая большую часть времени молитве. Но недолго ему пришлось так прожить. Переживания относительно положения церковного, возникшего после публикации так называемой декларации митрополита Сергия, предчувствуемые последствия и уже возникшее смущение понуждали и его, как человека широко образованного и церковного, обдумывать случившееся с церковной точки зрения. Многие тогда из архиереев, священников и мирян задумывались над происходящим, и некоторым было горько осознавать, что вопросы церковные настолько запущены и не обдуманы, что тут ни год, ни два столетия оказались неосвоенными с точки зрения церковного опыта и церковных позиций. Ничего еще в прошлом оказалось не решено. И архимандрит Неофит, как и многие в то время, стал вкратце записывать свои размышления и делиться ими с друзьями, прося ознакомиться и вернуть заметки. Просьба эта возникла не только из соображений безопасности пострадать за свои размышления, но и чувствовалось, что нет еще выверенности в написанном, не понято до конца происходящее, и уже тем более не найдены ему соответствующие формулировки. Слухи об этих набросках быстро дошли до ОГПУ, и 26 сентября 1927 года архимандрит Неофит был вызван на допрос. Здесь он был спрошен, чем занимается, кто его посещает и не занимается ли он распространением воззваний.

Отец Неофит на это ответил: «Занимаюсь изучением Псалтирей – церковно-библейский труд. У меня ежедневно бывает один или два человека... знакомых, о чем я с ними беседую, сказать не желаю, так как они носят частный, личный характер, а не общественный. Воззваний среди верующих не распространяю, но свои труды на тему церковную давал для чтения своим знакомым».

Архимандрит Неофит был недоволен записью его ответа следователем и так записал сам: «Не могу назвать церковными трудами наброски мыслей по текущим церковным событиям. Их было не более двух. Я был против их распространения. Давал знакомым для прочтения. Они мне их возвращали. Кому их давал, не помню. Но помню, что они по возвращении мною уничтожались. Помню, что о декларации Синодальной ничего не набросал, считаю, что для меня содержание набросков становилось устаревшим в зависимости от перемен. Предмет набросков – необходимость хранить заместительство в том виде, как принято оно от местоблюстителя, без Синода... А наше отношение к власти определяется учением Божиим, что даже в языческом государстве заповедуется всемерно поддерживать гражданскую жизнь государства своими молитвами, трудами и средствами, таковы были наставления верующим от покойного Патриарха.

Соловецкую декларацию читал, не помню у кого. С этой декларацией согласен, потому что она не учит против поддержки государства своими трудами и молитвами и не указывает требований не согласных с православной истиной».

29 сентября 1927 года заместитель председателя ОГПУ Ягода подписал ордер на арест архимандрита Неофита, и в тот же день он был арестован во время допроса. 18 октября отец Неофит был в очередной раз допрошен.

– Почему вы считаете, что Церковь антисоветской деятельностью никогда не занималась? – спросил его следователь.

– Она, Церковь, должна быть аполитичной.

– А была ли она таковой в действительности во время революции?

– Да, она была аполитичной.

– А как же тогда рассматривать заявление бывшего Патриарха Тихона в Верховный суд с раскаянием в контрреволюционной деятельности, его послание вскоре по освобождении с раскаянием в том же, его так называемое «завещание» или предсмертное послание и т. д.?

– Он не вмешивался в антисоветскую деятельность.

– А зачем же тогда он это писал?

– Не знаю. Считаю необходимым указать, что я лично не считаю то, что я давал моим личным знакомым, по их желанию, некоторые, всего один-два примерно, документа, или наброски мыслей, распространением какой бы то ни было вообще литературы.

Сразу же после допроса следователь выписал постановление о предъявлении священнику обвинения в антисоветской деятельности, в том, что он «устно и письменно в составляемых и распространяемых им брошюрах пропагандировал необходимость использования Церкви, как организации, в антисоветских целях». Прочитав постановление, отец Неофит написал: «Читал, но не могу принять».

На основании подобного рода материалов Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архимандрита Неофита к трем годам ссылки в Сибирь, но поскольку он подпал под амнистию, срок ссылки был сокращен на одну четверть.

13 января 1928 года архимандрит Неофит был отправлен этапом в Новосибирск. 23 ноября 1929 г Особое совещание при Коллегии ОГПУ без всякого дополнительного расследования приговорило архимандрита Неофита к лишению права проживания в ряде городов и областей с обязательным прикреплением к определенному месту жительства на три года. Только в июле 1933 года архимандрит Неофит смог переехать в европейскую часть России и поселится в городе Угличе Ярославской области. В июне 1934 года он переехал жить в деревню Заболотье Егорьевского района Московской области, где в то время жило много священников, монахов и монахинь, отбывших сроки заключения или ссылки. Жил он очень замкнуто, основное время посвящая молитве, встречаясь лишь с небольшим кругом лиц, кого знал по ссылке или по служению на Патриаршем подворье.

4 апреля 1935 года сотрудники НКВД составили справку на арест семнадцати человек – священников, монахов, монахинь и мирян, в частности, и архимандрита Неофита; 9 апреля было подписано постановление о его аресте, с обвинением, будто он «систематически занимается антисоветской агитацией среди окружающего населения, распространяя провокационные слухи о “гонении и преследовании” за религиозные убеждения в СССР». На следующий день архимандрит Неофит был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве.

В качестве свидетеля была вызвана хозяйка квартиры, в которой жил архимандрит Неофит; она показала, что тот был настоящим затворником и никуда не выходил и, когда она, бывало, приглашала к себе в дом священников для совершения молебна, то и тогда он из своей комнаты не выходил.

Начались допросы обвиняемых, среди других была допрошена жившая в Егорьевске монахиня Успенского Колоцкого монастыря Серафима; она показала, что была на квартире архимандрита Неофита всего один раз, так как о нем говорили, что он «большой молитвенник и прозорливец. Неофита я посетила получить благословение и просить его святых молитв, после этого я его не

посещала... так как Неофит мне не рекомендовал... сейчас времена лукавые и смутные, и если кто узнает о моих посещениях, советская власть покарает; также Неофит рассказывал о гонениях на православную веру и духовенство со стороны советской власти, он говорил: “Сейчас судят и высылают духовенство не потому, что они контрреволюционеры, а потому что советская власть хочет уничтожить веру православную”. В качестве примера приводил себя, говорил: “Я дважды гоним советской властью только за то, что духовное лицо”».

26 мая 1935 года следователь допросил архимандрита Неофита.

– Расскажите о своих знакомых, посещающих вас на квартире в деревне Заболотье, и кого вы посещали после возвращения из последней ссылки.

– Меня на квартире из числа моих знакомых никто не посещал, изредка приезжали ко мне женщины, знающие меня ранее по службе на Патриаршем подворье. Я их совершенно не знаю, цель их посещения носила характер оказания мне материальной помощи, помимо этого меня иногда посещали лица совершенно незнакомые, возвратившиеся из ссылки. Обращались за советами и помощью, некоторым я оказывал материальную помощь. Из лиц, проживающих в Егорьевске, меня никто не посещал. За исключением одной крестьянки, звать ее Елена, фамилии не знаю, приходила, приглашала меня жить у нее на квартире, кроме этого была монахиня Серафима, проживающая в городе Егорьевске. Она приходила познакомиться со мной, я просил ее больше меня не посещать.

– Расскажите о вашем круге знакомых и где они находятся в данный момент.

– О своем круге знакомых дать какие-либо показания отказываюсь.

– Скажите, распространяли ли вы среди своих знакомых и посещающих вас слухи о якобы проводимых гонениях на веру православную и духовенство?

– Слухов о проводимых гонениях на веру и духовенство я не распространял. Но не скрываю, что у меня существуют личные убеждения, что на духовенство гонения имеются. Убеждения у меня возникли вследствие того, что ссылки по отношению ко мне были несправедливы, выслали меня не как контрреволюционера, а как священнослужителя.

– Скажите, что вам известно о существовании тайной церкви на квартире у одной из ваших почитательниц?

– О существовании тайной церкви... ничего не известно.

– Скажите, почему вы среди своих почитателей были известны за человека – большого прозорливца? К вашей помощи прибегали за помощью окружающие крестьяне, когда у них болели члены семьи?

– Не отрицаю, что один раз был случай, когда ко мне обратилась колхозница села Заболотье за помощью в связи с болезнью ее ребенка. По ее просьбе я дал ей святой воды, других случаев не было. Считали ли меня почитатели за прозорливца, для меня не известно.

– Следствие располагает данными, что вы в своих беседах заявляли, что обновленческая и сергиевская церковь лишены благодати и большинство священнослужителей состоят на службе у антихристовой власти, что их нужно избегать, больше молиться у себя в домах.

– Об обновленческой церкви я совершенно ни с кем не говорил, так как она в свое время была осуждена Патриархом Тихоном, в отношении сергиевской ориентации со мной говорили и обращались за советами, можно ли посещать сергиевскую церковь, но это было, еще когда я находился в ссылке, в Егорьевске,

об этом я ни с кем абсолютно не говорил, всем обращающимся ко мне по данному вопросу я рекомендовал сергиевские храмы.

– Как давно вы знаете епископа Афанасия?

– Епископа Афанасия я знаю с 1919 года, также вместе с ним находился в 1923 году в ссылке в Усть-Сысольске.

– Скажите, когда вы встречали последний раз епископа Афанасия и при каких обстоятельствах?

– Последний раз епископа Афанасия я встречал в июле месяце 1934 года, когда он и я проживали в городе Егорьевске.

– Расскажите, на какие темы вы с ним проводили беседы при своих встречах.

– При встрече с епископом Афанасием мы вели разговоры на различные научно-богословские темы, которые сейчас точно не помню и привести не могу.

9 июня 1935 года следствие было окончено, но обвинения, предъявляемые архимандриту Неофиту, остались все те же, никто ничего убедительно против него не показал. Его обвиняли в том, что он на своей квартире производил прием посетителей, говорил, что ходить в церковь в настоящее время небезопасно, так как можно натолкнуться на волка в овечьей шкуре, «распространял ложные слухи о гонении и преследовании за религиозные убеждения в СССР, принимал участие в тайных молениях на квартирах своих почитателей и духовных детей».

14 июня 1935 года Особое совещание при НКВД СССР приговорило архимандрита Неофита к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. 13 августа того же года архимандрит Неофит в составе этапа прибыл в Антибесский отдельный лагерный пункт неподалеку от Мариинска в Кемеровской области; сначала он работал дневальным в подконвойной палатке, затем на общих работах, статистиком в ветеринарной части и снова рабочим на общих работах. Здесь он познакомился с заключенными священниками и верующими мирянами, постепенно наладилась какая-то переписка с волей, у кого там были родственники. Богослужебных книг у них не было, и тексты богослужений вспоминали по памяти, а затем записывали в тетрадки. Жизнь духовная была свободна, отношения между собой верующих людей были истинно христианские, некоторые уже примирились с тем, что им, возможно, никогда не придется выйти из заключения и до окончания срока дадут и еще десять лет. Но внешние обстоятельства и работы и жизни были самыми тяжелыми, и один из заключенных, профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии, глубоко верующий человек, писал в письме близким: «Жизнь чем дальше, тем все больше “художеств”, сложнее, мрачнее... У Гёте в Фаусте описывается кухня ведьмы и чего-то там доставало до ада, ну, у нас здесь наоборот, чего-то надо отнять для получения хорошего ада, а для плохого много, много, весьма много надо отнять... Придет ли избавление?!»

Впоследствии у профессора нашли тетрадку с переписанными богослужебными текстами, а у архимандрита Неофита записку, в которой профессор попросил помолиться о нем и о его близких. Следователями НКВД это было расценено как страшное преступление против общественного и государственного строя. Но главное было наступившее время – сентябрь 1937 года, это время новых арестов и уничтожения духовенства и верующих не только из находящихся на воле, но и в лагерях. К следствию были привлечены двенадцать человек, в том числе профессор сельскохозяйственной академии и архимандрит Неофит. Архимандрит был обвинен в том, что вел

«контрреволюционную деятельность, говоря, что сейчас на воле идут массовые аресты... на месте производства работ производил богослужения, тем самым отрывая рабочих от работы и открыто проповедуя религиозные убеждения».

10 октября 1937 года архимандрит Неофит был арестован, заключен в штрафной изолятор и на следующий день допрошен.

– Скажите, говорили ли вы в общезнании среди заключенных слова: «Сейчас на воле идут массовые аресты, сидят ни за что, за слово тебе дают 58 статью».

– Что я слышал эти слова, это верно, и что передать другим то же самое мог, так что считаю в этом нет ничего особенного, потому что ждут освобождения, основания этому не вижу, все говорят об арестах.

– Скажите, производили ли вы на месте работ богослужения, тем самым отрывая рабочих от работы и открыто проповедуя свои религиозные убеждения?

– Никаких богослужений на месте работ я не производил, потому что принадлежу к числу людей не певчих и петь не могу.

– Вам предъявлены обвинения. Что вы можете показать по существу предъявленного вам обвинения и признаете ли себя виновным?

– Виновным себя не признаю, как видно из моих ответов.

28 октября 1937 года тройка УНКВД Новосибирской области приговорила архимандрита Неофита к расстрелу. Архимандрит Неофит (Осипов) был расстрелян 21 октября (3 ноября) 1937 года и погребен в общей безвестной могиле.

Память преподобномученика Неофита Святая Церковь совершает 21 октября (3 ноября).

Игумен Дамаскин (Орловский)

Московские Епархиальные Ведомости
№ 1-2 за 2009 год